

ТИМ СКОРЕНКО

ЛЕГЕНДЫ
НЕИЗВЕСТНОЙ
АМЕРИКИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С44

Серия «Суперпроза»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Скоренко, Тим

С44 Легенды неизвестной Америки / Тим Скоренко.—
Москва: Издательство АСТ, 2019.— 412, [2] с.— (Супер-
проза).

ISBN 978-5-17-115877-4

Великий автогонщик Рэд Байрон и прекрасные сёстры Сазерленд, скрывающийся от правосудия нацистский преступник и слепоглухонемая девушка, первое посольство США в Москве и военные действия в китайском Нанкине, провинциальные гангстеры 30-х и диковинный паровоз инженера Холмана. Казалось бы, между героями и реалиями этой книги нет ничего общего: многие из них вымышлены, иные же существовали на самом деле, реальность смешивается с фантазией, XIX век мерно перетекает в XXI. Удивительные истории, захватывающие сюжеты, живые легенды, сплетающиеся на страницах романа, охватывают значительный временной период, и единственное, что их объединяет,— это то, что все они могли произойти на самом деле. Или — пусть остаётся крошечная вероятность! — на самом деле произошли.

© Тим Скоренко, текст, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Меня зовут Джеймс Хьюстон. Я старик, глубокий старик. У меня есть дом, пенсия и потрёпанный «Понтиак», на котором я выезжаю в город за покупками. Я не нажил друзей и врагов, у меня никогда не было семьи, я легко расставался с теми, кто мог бы стать частью меня.

Но есть у меня кое-что другое. Моисей ходил по равнине сорок лет. Я ездил по Америке — пятьдесят. За полвека я собрал сотни историй. Их рассказывали мужчины и женщины, дети и старики, доктора наук и подсобные рабочие. Я собирал эти истории, обрабатывал, располагал в хронологическом порядке и хранил. В принципе, этот труд ещё не окончен, но я посчитал нужным отобрать четырнадцать историй, которые запомнились более всего, — и поместил их в эту книгу.

Они разные. Действующие лица большинства историй — известные люди. Великий автогонщик Рэд Байрон, журналистка Айрис Чан, семь сестёр Сазерленд, изобретатель Холман и многие другие существовали на самом деле и обрели славу ещё при жизни. Вы можете найти их биографии в различных справочниках и энциклопедиях.

Некоторые истории совершенно нереальны: скорее всего, рассказчики их просто выдумали.

Собирая все эти истории, я руководствовался одним-единственным принципом. Я хотел показать вам настоящую Америку. Не ту, что вы видите в кино. Не ту, о которой читаете в детективах. Не ту, о которой вам рассказывают в новостях.

Поверьте мне, Америка — совсем другая. Когда-то в ней жили — да и теперь встречаются — смелые, сильные и благородные люди. Они не боялись войти в огонь, чтобы спасти друга, они всегда были готовы к авантюрам, они умели жить на полную катушку, на максимальной скорости, потому что не хотели жить иначе.

Я люблю эту страну. И хочу, чтобы вы хотя бы на время прочтения попытались посмотреть на Америку моими глазами. На мою, не известную вам Америку.

РОССИЯ, ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Меня зовут Джедедайя Джонсон. Мне нечего бояться. Времена, когда моё имя могло мне повредить, давно прошли; сегодня я — никому не нужный старик на окраине империи. Впрочем, современная империя ни в чём не сравнится с той, которую я застал пятьдесят лет назад.

Мой отец двояко относился к собственной фамилии. С одной стороны, он гордился ею и частенько начинал очередную фразу словами «мы, Джонсоны...». С другой стороны, он стеснялся обыденности этой фамилии, её распространённости. И поэтому наградил меня достаточно редким именем. Я благодарен ему: когда я учился в школе, в моём классе было одиннадцать Джонов. А Джедедайя — один.

Но моя история не об этом. Моя история — о человеке по имени Андрей Кульковский, моём друге. Я горд тем, что могу написать о нём «мой друг» и при этом не покривить душой. Я никогда не встречал подобных ему людей на своей родине, в Соединённых Штатах. Не подумайте плохого, я люблю свою страну. Но мы начинали мельчать уже тогда, в тридцатые, нас подкосила Великая

депрессия и дешёвые сигареты, мы стали пустым местом на карте. А они... Они тогда были сильнее нас. И сейчас они — сильнее нас.

Я снова отвлекаюсь. Мне можно простить, я надеюсь. Восемьдесят девять лет — немало.

Осенью 1933 года в Соединённые Штаты приехал Максим Литвинов, министр иностранных дел СССР. Насколько я помню, у них это называлось не министерство, а народный комиссариат, хотя мне привычнее говорить «министерство». Гораздо позже я узнал, что человека с русской фамилией Литвинов на самом деле звали Меер-Генох Валлах, и он был чистокровным евреем. Я, американец, могу сказать вам: быть евреем трудно даже здесь, в США. В СССР, насколько я знаю, это было просто невозможно.

Во время нашей первой встречи в тридцать третьем Литвинов — полный, невысокий, под шестьдесят — показался мне неприятным человеком с туповатым взглядом. Но с Рузвельтом он беседовал за закрытыми дверями, и итогом этой беседы стало соглашение о сотрудничестве двух великих держав. Впрочем, я не думаю, что в этом была заслуга русского министра. Рузвельт никогда не скрывал, что рассматривает Советский Союз в качестве огромного рынка. Впоследствии он воспользовался этим рынком в полной мере, поставляя технику и товары по ленд-лизу, но это уже совсем другая история.

В том же году начали спешно готовить группу, должную стать посольством США в Москве. Послом был назначен Вилли Буллит, худой, загорелый, лысоватый, необыкновенно умный человек, который умел говорить любую чушь так, что ему безоговорочно верили.

Как раз тогда мне исполнилось сорок три. Я был уже не юн, но больших успехов в жизни не добился. Един-

ственное, к чему я имел талант, так это к языкам. Свободно говорил по-французски, по-итальянски, по-испански, а также по-русски и по-польски (особенно трудно мне дался последний). Буллит знал меня как хорошего переводчика и пригласил в свою команду.

Мог ли я отказаться? Конечно, нет. Последнее американское посольство в России закрылось в 1919 году, и в течение четырнадцати лет отношения между нашими странами были очень напряжёнными. Какие-то отдельные американцы в СССР приезжали, но средний гражданин США не мог и подумать о том, чтобы посетить эту огромную и страшную державу. И я схватился за такую возможность. Побывать в СССР, чтобы потом вернуться и всем рассказывать о нём.

Кстати, тогда Сталин ещё не был столь легендарной фигурой, как сейчас. К тому времени он находился у власти всего лишь девять лет (или около того — я до сих пор не могу понять, кто правил страной в последние два года жизни Ленина) и не успел создать вокруг себя ореол страха.

В общем, в декабре 1933 года мы отправились в неизведанное. Каждый представитель делегации воспринимал это плавание по-своему. Буллит выглядел веселым и хладнокровным — его ничто не могло пробить, тем более что он уже бывал в Союзе на ответных переговорах, связанных с организацией посольства. Мартин Гэбриэл почему-то боялся, что его в Советской России сразу убьют. Он был евреем, а слухи о невесёлой жизни евреев в СССР дошли и до наших ушей. Мы успокаивали Гэбриэла: мол, он же гражданин США, и для него никакой опасности нет. Лидс хотел взять с собой супругу, но они о чём-то повздорили, она отказалась ехать, поэтому он

был в гнусном настроении. Некоторые, напротив, радовались поездке в Москву.

Буллита поселили в старинном особняке Второва, или Спасо-Хаусе; там же жили ещё некоторые члены миссии, в том числе личный переводчик Буллита Чарли Тейер. Но в Спасо-Хаусе по-прежнему квартировались обычные советские граждане, которые принимали весть о своём выселении крайне неохотно. В течение всего 1934 года Спасо-Хаус был, скорее, Спасо-Хаосом — он одновременно выполнял функции посольства, гостиницы, жилого дома, там постоянно отсутствовала вода, а телефон ни дня не работал по-человечески. Буллит всё ожидал, что для американского посольства построят отдельное здание, но так и не дождался.

Нас, рядовых сотрудников, разместили в гостиницах или на квартирах в самом центре города. Большинство поселили в старом доме, выходящем окнами на одну из маленьких московских улочек. Особенно я любил гулять по центральным переулкам зимой, вдыхать морозный воздух и говорить себе: я в Москве, в России,— и при этом не верить собственным словам.

В этом же доме жили несколько чиновников из коммунистической партии, а также обычные граждане. Позже мне объяснили, что обычных граждан к иностранцам не подпускают. Конечно, все они были сотрудниками соответствующих органов, наблюдателями. Но, честно говоря, ни разу за всё время проживания на квартире я не почувствовал напряжения. Они приходили к нам в гости с домашними огурчиками и вареньем, шёпотом рассказывали околуполитические анекдоты и сетовали на то, что в магазинах не хватает тех или иных продуктов.

Примерно тогда же я с удивлением узнал, что ещё в начале 1933 года в стране буйствовал голод. Хлеба не было, не было ничего, люди напоминали узников немецких концлагерей (само собой, немецкие лагеря появились позже, но сейчас это сравнение кажется мне наилучшим), село вымирало. Тогда я так и не понял причин голода. Советский Союз представлялся мне огромной житницей — его полей и лугов хватило бы, чтобы накормить весь мир и ещё отложить на чёрный день.

Надо сказать, что и в 1934 году жизнь была не слишком сытой. У нас было вдоволь всего — хлеба, масла, мяса, молока, шоколада; более того, нам поставляли продукты зарубежного производства, а одежду мы получали из США. Простой советский человек жил нище. Продукты нельзя было купить, только получить по продовольственным карточкам; рабочим полагалась в месяц такая порция, которой мне хватило бы едва ли на неделю.

Ладно, не буду дальше расписывать ужасы советского быта. Те, с кем мне довелось познакомиться — весёлые, неунывающие, приятные люди, — не сдавались, жили так, как умели.

* * *

Мне выделили трёхкомнатную квартиру с высоченными, за двенадцать футов, потолками. Прогреть её было совершенно невозможно, хотя дрова нам поставляли исправно (как прогревали свои квартиры простые люди, я не понимаю до сих пор). Насколько я знал, в городе царствовало уплотнение: люди жили по трое-четверо в комнате; в моём же распоряжении была целая квартира.

Нам рекомендовали не ходить по городу без сопровождения, хотя в теории американский гражданин мог

свободно посещать любые районы Москвы и смотреть на обыденную жизнь советских граждан. Как раз в это время производился массовый перевод на паспортную систему учёта населения: кто раньше был записан разве что в церковно-приходской книге (это условное обозначение — я вообще не знаю, как учитывали граждан в Союзе до введения паспортов), тот получал документ, по которому приписывался к определённому месту жительства. Переезды с места на место стали затруднительны, особенно для крестьян, которые во время голода активно стекались в города. Веду я к тому, что документы проверяли на каждом углу. Мы не слишком опасались таких проверок. Даже если бы меня поймали в «неправильном» районе города, максимум что сделали бы — отправили под конвоем обратно в посольство или в квартиру. А вот непорядок с документами у советского гражданина мог привести к гораздо более неприятным последствиям.

Конечно, мы нарушали запреты. Мне было интересно всё. Кремль мы посещали достаточно часто (само посольство располагалось в двух шагах от Красной площади, на одной из улочек за Верхними торговыми рядами), храм Василия Блаженного и остальные достопримечательности центра порядком приелись, и нам хотелось посмотреть на настоящую Москву. Нищую, грязную, с громяющими трамваями и покосившимися деревянными домишками.

К тому времени уже бурно строилось метро, но до его открытия оставалось около полугода (хотя обещали открыть ещё осенью 1934 года). А трамваи были везде. Порядка пятидесяти маршрутов покрывали весь город, даже в самый отдалённый район можно было добраться без серьёзных проблем.

Мы ездили обычно по два-три человека. В моей «тройке» были ещё Стив Уиллис, посольский фотограф, и Роберт Кауден, один из младших секретарей. Теоретически за нами должен был приглядывать русский сотрудник, но мы умели обходиться без его «услуг». Я выходил якобы за дровами, Стив выбирался через окно двери заднего хода (сама дверь была забита), Роб забалтывал соглядатая и отправлял его за сигаретами. Где-то раз в неделю мы обязательно выбирались в город.

Я говорил по-русски почти без акцента. Тем не менее иностранца во мне распознавали сразу, даже если я молчал — по покрою одежды, манере держаться. Поэтому со временем я обзавёлся жутковатыми валенками с галошами, серым пиджаком из плохой ткани, штанами военного покроя. И, конечно, картузом. Выглядеть импозантно, чересчур заметно в Москве было не принято.

Март 1935 года был достаточно тёплым. Однажды я выбрался в город один, без сопровождения. К тому времени я отточил свой русский до такой степени, что мой акцент напоминал скорее неправильную речь жителя Дальнего Востока, а никак не американца. Я копировал повадки и одежду, внешний вид и даже взгляд советского человека. Так мимикрирует гусеница, чтобы стать похожей на веточку и не попасть на обед к птице. В том самом марте я и встретил Андрея Кульковского.

* * *

Собственно, слово «встретил» не очень подходит к обстоятельствам нашего знакомства. Андрея приставили ко мне после того, как мой куратор в очередной раз прокололся и упустил меня в городе. Я шёл впереди,

куратор — футах в тридцати позади, а потом я увидел очередь и встал в неё. Куратор подождал, пока за мной накопится десяток человек, и тоже встал в очередь. Меня поражало, что советскому человеку было неважно, что дают. Очередь сразу вызывала желание в неё встать, а уж вопрос о том, что ожидает покупателя в конце, был вторичен. К марту уже отменили карточки на хлеб, крупу, часть мучных изделий, жить стало чуть проще (опять же, я говорю не о себе — у американцев было всё, что нужно). Я так и не узнал, за чем выстроилась очередь,— ни человек за мной, ни человек передо мной не могли сказать ничего путного. Но я каким-то образом сумел протолкнуться ближе к началу столпотворения, потом несколько раз мелькнул то слева, то справа от хвоста очереди, а потом пропал. В смысле пропал для наблюдателя.

В тот день я поехал на Калужскую заставу. Туда можно было добраться на «семёрке» или двадцать шестом, мне попался последний. Близ Калужской заставы находился парк культуры и отдыха. Мне там нравилось. К середине марта деревья ещё не покрылись листвой, но птицы уже пели вовсю, а бесформенные пальто и ватники на девушках превращались в утеплённые, но подчёркивающие фигуры платья. Светило солнце, по парку гуляли парочки. Я провёл там около двух часов, попивая лимонад, взятый с собой из посольских запасов.

А когда я вернулся, оказалось, что моего куратора больше нет. У дверей квартиры меня ждала мрачная тройца из наркомата по иностранным делам. Мы зашли в квартиру, и со мной долго и серьёзно беседовали. В разговоре фигурировали такие словосочетания, как «не рекомендуется», «чревато дипломатическими проблемами», «навлекаете тень на отношения между наши-

ми государствами» и так далее. Они предъявили мне бумаги, подписанные лично Крестинским, тогда — первым заместителем наркома иностранных дел СССР. Позже, в тридцать восьмом, его арестовали и расстреляли, жену отправили в лагерь, а дочь — в ссылку. Но в начале тридцать пятого Крестинский был влиятельной персоной.

Сначала никто из троих «гостей» не представился. Через полчаса двое поднялись, а третий остался сидеть.

«А Андрей Васильевич временно поживёт у вас», — сказал один из уходящих.

Вот так запросто ко мне в квартиру подселили соглядатая.

Он занял комнату, самую близкую к выходу, и никогда не закрывался. Таким образом, пройти мимо него незамеченным было практически невозможно. Конечно, он отлучался по своим делам, но крайне редко — и в самое неудобное для меня время. Когда я работал целыми днями, я его не видел, а вот когда выпадал выходной, Андрей был тут как тут. У него получалось вести себя естественно, точно он не более чем мой сосед. С ним было легко разговаривать, он умело обходил запретные темы, зато результаты первенства СССР по футболу обсуждал с радостью и энтузиазмом. В 1933—1934 годах турниры не проходили ввиду сложного экономического положения и отсутствия организации; Андрей очень любил футбол и за два года перерыва заметно соскучился. Он болел за Москву и почему-то очень боялся успеха харьковской сборной, хотя единственным реальным соперником москвичей была ленинградская команда.

Собственно, в марте—апреле Андрей меня практически не стеснял, потому что работы было выше крыши. На апрель наметили серьёзный приём в Спасо-Хаусе, откуда

наконец-то выселили всех, кто не имел отношения к посольству, и даже провели лёгкий ремонт. На «Весеннем фестивале» 24 апреля 1935 года присутствовали Ворошилов, Каганович, Радек, Бухарин, Будённый, Тухачевский. Мероприятие организовывал Чарли Тейер, он договорился с зоопарком об «аренде» множества певчих птиц, нескольких горных коз и медвежонка, а также установил в приёмном зале особняка Второва искусственный берёзовый лес. Приём прошёл на ура, только вот присутствие животных плачевно сказалось на состоянии особняка. В итоге Буллит заставил Тейера лично убирать отходы наряду с нанятыми уборщиками и дворниками. Самым комическим событием того вечера стал момент, когда медвежонка вырвало на мундир какого-то генерала, потому что неунывающий Радек подлил животному в молоко шампанское. Тут стоит заметить, что Радека убили в тюрьме в 1939 году — никого не щадила сталинская машина.

Ладно, я достаточно далеко ушёл от сути повествования, самое время к нему вернуться.

Присутствие Андрея я начал ощущать где-то с мая, когда наступило некоторое затишье в работе. Затишье длилось недолго, потому что в июле Коммунистическая партия СССР пригласила Компартию США на VII конгресс Коминтерна в Москву. Буллит воспринял это как личное оскорбление: американская компартия была не в почёте у официальных властей. Кроме того, переговоры о выплате Союзом царских долгов постепенно зашли в тупик. С конца лета отношение к американцам ухудшилось.

А мы с Андреем находили всё больше и больше общих тем. Он оказался прекрасным собеседником. Его интере-

совало всё. В какой-то мере он выполнял свою работу: выяснить как можно больше о главном идеологическом сопернике СССР. Он составлял отчёты о наших разговорах, аккуратно переплетал их и передавал куда-то наверх, в разведывательные службы (точнее я сказать не могу). Но, в принципе, я не знал ничего такого, что могло бы повредить моей стране. К тридцать пятому году она постепенно начала выползать из бездны Великой депрессии, но грабители были по-прежнему популярнее банкиров, а на улицах пели песни и выставляли транспаранты с именами Бонни и Клайда (их убили в тридцать четвёртом, я узнал об этом от Гэбриэла, их страстного поклонника).

Я рассказывал Андрею про наши магазины до и после депрессии (поверьте, между этими двумя рассказами — огромная разница), про толпы собирателей хлопка и мигрантов, про свежие модели «Форда», про рекламу на улицах, да про всё на свете. Он никогда не пытался выяснить ничего предосудительного, не спрашивал о вооружении или местоположении каких-либо государственных служб. Зато он часто переводил разговор на футбол. Про футбол в США я, честно говоря, не знал практически ничего. Я хорошо разбирался в бейсболе и прочитал Андрею несколько лекций на эту тему. А летом тридцать пятого мы ходили на матч между сборными Москвы и Ленинграда — мне понравилось. Впоследствии я увлёкся футболом и неоднократно посещал матчи уже по возвращении на родину.

Андрей пил. В общем-то, пили все. Это было нормально — не только для СССР, но и для нашей страны. Просто у нас пили по какой-то причине. Например, ушла жена или, наоборот, встретилась новая любовь. А в СССР пили просто так — потому, что нужно. Опять же, я хорошо